

Священник Александр Сухарев

«О духе литургии» Романо Гвардини — главный текст литургического движения Германии

Статья представляет собой анализ содержания книги немецкого священника, богослова и философа Романо Гвардини «О духе литургии» — одной из главных книг литургического движения Германии. В статье анализируются предыстория появления текста, его идеи, композиционное построение и стиль. Книга «О духе литургии» была изначально ориентирована на священников и мирян из круга аббата монастыря Мария Лаах Ильдефонса Хервегена. Р. Гвардини ставил задачу рассказать о литургии не как о чинопоследовании, но как о совершенном, укорененном в христианской традиции законе духовной жизни и тем самым побудить ее читателей к сознательному участию в совместной молитве. Закон литургической молитвы Гвардини определяет через соотношение нескольких оппозиций: сердца и разума; природы и культуры; индивидуального и общего; внутреннего и внешнего; игры и серьезности; логоса и этоса. В заключительной части статьи содержатся доводы в пользу актуальности вопросов, поднятых в работе Гвардини: об антропологическом кризисе, возрождении религиозного опыта, литургическом образовании, способности современного человека, живущего в эпоху технического прогресса, к литургическому акту.

ключевые слова: литургическое движение, Романо Гвардини, «О духе литургии», монастырь Мария Лаах, «наука о литургии», «закон оппозиции», литургический акт.

Более чем за две тысячи лет своего существования исторической церкви приходилось разрешать множество вопросов — догматических, канонических, дисциплинарных. Некоторые из них продолжают оставаться предметом обсуждений и споров: например, вопрос о значении литургии в формировании приходской общины. Совершение евхаристии заповедано нам Господом, но наряду

с вечными в ней присутствуют и временные элементы. В богослужении догмат, или «правило веры» Церкви, выражается через особое «правило молитвы», которое берет свое начало в древности и одновременно, как чинопоследование, принадлежит к той или иной культурной традиции. Выявить соотношение вечного и временного, увидеть литургию как цельный, живой, растущий организм, в который «вживается» каждый христианин во время соборной молитвы, — задача, которая стоит перед каждым новым поколением христиан.

Оживленная дискуссия о богослужении в Русской православной церкви началась в начале XX в., в период подготовки к Поместному собору 1917 г. После революции обсуждение «литургического вопроса» продолжилось в русской заграничной диаспоре, где жили и работали представители так называемой школы парижского богословия — протопресвитеры Александр Шмеман и Николай Афанасьев, архим. Киприан (Керн), Н. М. Зернов и другие. Поскольку они стояли у истоков литургического богословия в Русской православной церкви, это понятие прочно соединилось с их именами.

В католической церкви процессы переосмысления литургии как «правила веры» начались на рубеже XIX–XX вв. Они нашли свое воплощение в решениях II Ватиканского собора (1962–1965 гг.). Отцам собора принадлежит часто цитируемая фраза о том, что «литургия — это вершина, к которой стремится деятельность Церкви, а вместе с тем и источник, из которого исходит вся её сила» [*Конституция*, 22]. Западным богословам и священнослужителям пришлось пройти длинный путь, прежде чем эта короткая максима стала неотъемлемой частью католической традиции. Понимание и правильная оценка достижений и ошибок западных христиан на пути литургического возрождения могут оказать неоценимую помощь в разрешении многочисленных вопросов современной приходской жизни.

Литургическим движением католической церкви называется процесс обновления христианской жизни посредством активного и сознательного участия верующих в богослужении. Его целью было возвращение представления о литургии как об общей молитве Церкви, источнике и основании христианской жизни. Зародившись в начале XX в., литургическое движение получило формальное завершение в декабре 1963 г., когда II Ватиканский собор одобрил Конституцию о священной литургии — один из основополагающих текстов современной католической церкви.

Неофициальным девизом литургического движения стало выражение «активное участие в богослужении». Впервые фраза “*partecipazione attiva*” появилась в итальянском переводе послания Пия X о церковной музыке:

Мы должны обратить наше внимание на святость и достоинство храма. Здесь народ собирается для того, чтобы напитаться христианским духом из его главного источника, а именно из активного участия в святых таинствах и торжественной молитве Церкви¹ [*Pius X*].

К «активному» участию добавилось «сознательное» — и уже в этой редакции главное «исповедание» литургического движения появилось в документах II Ватиканского собора. Спустя пятнадцать лет после послания Пия X в Германии была написана книга, в которой «степень участия» в литургии была поставлена в прямую зависимость от знания ее законов.

В истории литургического движения не так много текстов, получивших широкое признание, «популярных» в хорошем смысле этого слова. С конца XIX в. во главе движения находились монахи-бенедиктинцы, которые изучали литургии западного обряда и стремились к возвращению классической римской мессы в монашеский обиход. В начале XX в. им на смену пришли приходские священнослужители-практики, которые заботились в первую очередь о создании литургически активных общин. Но время требовало большего, а именно такого описания литургии, в котором ее история была бы лишь отправной точкой для объяснения ее законов, а сами законы получили бы прочное философское основание. Небольшая книга Романо Гвардини «О духе литургии» («*Vom Geist der Liturgie*») ², впервые изданная в 1918 г., была одной из немногих, отвечающих требованиям «совершенного текста»: доступный, живой, лаконичный язык, свободный и доверительный стиль, продуманная композиция, в которой каждая мысль и слово занимают свое место. Гвардини никогда не заигрывал с читателем (напротив, его тексты требуют интеллектуального напряжения), зато писал о том, что было важно для всех. Неожиданно для самого автора актуальность книги совпала с ее популярностью. В течение первых четырех лет после своего появления

1. Здесь и далее перевод цитат на иностранном языке мой. — А. С.

2. Далее — «Дух литургии». — А. С.

книга переиздавалась 12 раз; в течение последующих лет — еще столько же³. В 2018 г. в серии “*Libelli Rhenani*”, которая объединяет книги по истории диоцеза Кельн, вышел сборник «100 лет со дня “О духе литургии” — культовой книги литургического движения» [*Vom Geist der Liturgie*]. В книгу вошли статьи историков, литургистов, священников, которые не только отдавали Гвардини дань признательности, но и обсуждали вопросы, поставленные им сто лет назад. Можно с уверенностью сказать, что в «Духе литургии» есть качество, отличающее классическое произведение от всех остальных, — это книга-зеркало, в котором каждое новое поколение видит само себя.

История появления книги такова. Во время совершения мессы молодому клирику диоцеза Майнц Романо Гвардини приходилось мириться с тем, что благочестивые прихожане заняты духовными упражнениями, а не переживанием совместной молитвы. Богослужение шло как бы «само по себе», не вызывая ни понимания, ни интереса его участников. «Бессмысленность этой деятельности была невыносима, — вспоминал Гвардини, — и я смог избежать духовного вреда, только когда перестал ее замечать» [*Krieg, 75*]. С горечью он описывает, как

верующий во время обряда причащения наблюдал перед алтарем отвернувшегося к стене и что-то невнятно бормочущего священника, принуждая себя при этом к религиозному благоговению [*Гвардини 1995, 92*].

В Германии отчуждение предстоятеля от «всех остальных» отчасти компенсировалось практикой народного пения, но причащение, впрочем, как и понимание происходящего, оставалось прерогативой клириков⁴. Ощущение нелепости совершаемых действий было тем тяжелее, что к тому времени Гвардини уже испытал противоположный ему опыт «погружения в действительность». Во времена учебы в Тюбингенском университете он неоднократно посещал бенедиктинское аббатство святого Мартина в Бойроне. В своих воспоминаниях он описывает, как монотонная псалмодия, возвышенные григорианские напевы, неторопливые действия монахов, едва освещенный храм — освобождали и успокаивали:

3. См., напр.: Guardini R. *Vom Geist der Liturgie*. 24. Aufl. Ostfildern : Matthias Grünewald Verlag; Paderborn : Verlag Ferdinand Schöningh, 2018. 96 S.

4. Достаточно вспомнить, что в «дореформенном» миссале рубрика о причащении мирян находится не внутри текста чинопоследования, а в специальном приложении.

Монахи стояли на своих местах и молились прекрасными псалмами повечерия... Церковь наполняла тайна, священная и одновременно умиротворяющая. Я увидел, наконец, какая сила и слава заключена в литургии. В священный мир литургии я вошел не через врата торжественной мессы, а через простую дверь монашеского повечерия [Krieg, 74].

Постепенно у Гвардини и его друга Карла Нойндорфера созрела идея выразить сущность Церкви, исходя из ее главных элементов — канонического и таинственного. Нойндорфер погиб в результате несчастного случая, так и не написав «Духа канонического права»; книга Гвардини стала главным текстом литургического движения Германии.

Публикация «Духа литургии» осуществилась благодаря монахам-бenedиктинцам из монастыря Мария Лаах. Куниберт Мольберг, какое-то время живший в бельгийском аббатстве Мон-Сезар и входивший в круг «отца литургического движения» Ламбера Бодуена, в 1911 г. услышал о Гвардини от Бойронских монахов. Начавшаяся переписка о литургических вопросах переросла в сотрудничество, а затем — в дружбу. Профессиональный историк, специалист по древнеримской литургии Мольберг занимался исследованием литературных источников, а Гвардини обращал внимание на культовую основу богослужения, а точнее говоря, на содержание «литургического акта» — телесного и умного действия, которое совершает община во время мессы. В качестве метафоры, описывающей совместную работу, Мольберг и Гвардини использовали образ «дерева»: продольный разрез «ствола» означал изучение истории, а поперечный — структуры явления. Соединение этих элементов Гвардини назвал «наукой о литургии», или «литургией» (*Liturgiewissenschaft*). В отличие от классической семинарской дисциплины литургики должна была изучать богослужение не как свод уставных предписаний, а как таинственный, благодатный процесс, в котором церковные догматы, мысли, настроения, эмоции образуют упорядоченную структуру. Поскольку литургия выражает ту же веру, которую церковь исповедовала сто, двести и тысячу лет назад, задачей литургики было найти вечное и неизменное литургии в ее временных, исторических формах.

Было бы неверным утверждать, что научный интерес к литургии в Германии появился вместе с возникновением союза Мольберга и Гвардини. Изучением истории богослужения занимались

знаменитые ученые — Валентин Тальхофер⁵, Адальберт Эбнер⁶, Адольф Франц⁷, Беда Кляйншмидт⁸. Заслуга Гвардини была в том, что он предложил использовать исторические исследования для решения прикладных задач.

Литургия — это не наука отвлеченных формул, как математика, в которой из предпосылки напрямую вытекает следствие и в которой любая другая возможность исключена. Она находится в прямом отношении к Живому, а именно — к молящейся, приносящей жертву Церкви... Это как раз та конкретность, индивидуальная жизнь, о которой схоластика говорит, что она не может охватить ее строго научными понятиями... [Guardini 1923, 107].

Формально отделяя науку о литургии от пастырского богословия, Гвардини считал, что они находятся в тесной взаимосвязи:

[Пастырское богословие] занимается практическим вопросом построения и поддержки литургической жизни общины в различных условиях той или иной земли или города. Учение о практическом, душепопечительском значении литургии... — это применение науки о литургии наподобие того как лечение больного — применение медицинской науки... Наука о литургии — это изучение Церкви в ее молитвенной жизни [Guardini 1923, 110].

В 1911–1913 гг. вокруг аббата монастыря Мария Лаах Ильдефонса Хервегена сформировался круг молодых католиков-мирян, впоследствии составивших интеллектуальную элиту Германии и Франции: Хайнрих Брюнинг, Херманн Платц, Теодор Абе, Роберт Шуман и другие. Ревнитель и знаток монашества

5. Валентин Тальхофер (1825–1891) — католический священник, богослов, автор «Учебника католической литургии» (*“Handbuch der katholischen Liturgik”*, 1883, 1890).

6. Адальберт Эбнер (1861–1898) — католический священник, богослов, автор исследований, посвященных истории римского миссала. Автор доклада «О современных задачах и целях историко-литургических исследований» (*“Über die gegenwärtigen Aufgaben und die Ziele der liturgisch-historischen Forschung”*, 1897), произнесенного на Международном конгрессе католических ученых во Фрибурге (см.: [Ebner]).

7. Адольф Франц (1842–1916) — католический богослов и политик, автор классического труда «Месса в средневековой Германии» (*“Die Messe im Deutschen Mittelalter”*, 1902). Первая часть книги

посвящена рассказу о практических аспектах совершения мессы в дореформационный период и формам литургического благочестия; вторая — средневековым комментариям на мессу (подробнее об этом см.: [Marschler, 18]).

8. Беда Кляйншмидт (1867–1932) — французский монах, историк и культуролог, автор статьи «Задачи литургического исследования в Германии» (*“Die Aufgaben der liturgischen Forschung in Deutschland”*, 1917). Главными задачами он считал подготовку научного издания литургических текстов, собрание исследований об истории литургии и основание литургического альманаха. Впоследствии эта идея была «перехвачена» И. Хервегеном, в результате чего возник «Литургический альманах» (*“Jahrbuch für Liturgiewissenschaft”*) (см.: [Kleinschmidt]).

Хервеген мечтал о том, чтобы характерные особенности бенедиктинской традиции (регулярное посещение мессы, чтение Писания, совместное причащение, просветительство) получили распространение в группах верующих интеллектуалов, а через них — по всей стране. В 1913 г. при участии Хервегена был создан Католический союз выпускников высших учебных заведений (*Katholischer Akademikerverband*), в Мария Лаах состоялась первая литургическая неделя, а в 1918 г. начал издаваться просветительский альманах «Церковь молящаяся» (*“Ecclesia Orans”*). Хервеген и «академики» ставили перед собой задачу формирования «католического мировоззрения» — религиозно-философской модели, основанной на бенедиктинском идеале христианской жизни.

В 1917 г., когда многие из «академиков» были еще на войне, Мольберг показал своему аббату несколько набросков о литургии, сделанных Гвардини во время работы в Майнцском лазарете. Аббат Мария Лаах сразу понял, с личностью какого масштаба имеет дело, и спустя некоторое время предложил издать записки, объединив несколько статей под одной обложкой. Заглавие книги было взято из письма Гвардини Хервегену, в котором, в частности, говорилось:

Народ должен жить литургией. Это тот же самый народ, который находится в тяжелой и такой обыкновенной нужде, медленный телом и духом, часто неуклюжий и уставший — но потому и нужно, чтобы у него была «суббота бытия». Для них нужен мягкий, адаптивный тип литургии, в которой, однако, должны оставаться ее законы и дух [*Vom Geist der Liturgie*, 247].

Хервеген подчеркнул слово «дух» красным карандашом и предложил использовать его в названии записок Гвардини. В мае 1918 г. «Дух литургии» был издан как первый том «Церкви молящейся» — тиражом в 3000 экземпляров⁹.

Гвардини не пытался создать богословскую систему — да он и не был богословом в классическом смысле этого слова. Отправ-

9. В воспоминаниях Хервегена есть интересная запись о беседе с представителем книжного издательства «Хердер», которому он предложил издать книгу Гвардини. «Он (т. е. издатель. — А. С.) сказал примерно следующее: “На фронте я изучал литературу, которую читали солдаты, в том числе образованные, и должен сказать, что больше всего интересовались романами. Я убежден, что после войны не будет ничего важнее, чем издавать хорошие романы”. Я попытался ему доказать, что

состояние человека на войне — плохая отправная точка для понимания того, что нас ожидает в наступающее мирное время... и что я получил достаточно хорошее представление о духовной жизни католиков, особенно получивших образование, и считаю, что задуманная мной серия будет востребована» (*Herwegen I. Erinnerungen eines Abtes. Fassung IIa-c. S. 118. Quelle: Maria Laach Archiv*. Цит. по: [*Vom Geist der Liturgie*, 189]).

ная точка в его рассуждениях — конкретное событие, переживание или впечатление, которые открываются познающему как части единого целого. Внимание к обстоятельствам жизни, иногда незначительным, мыслям, событиям, окружающим людям — все это должно быть соотнесено с порождающим их источником, неким единым целым, «осколками» которого они являются. В «Духе литургии» Гвардини заявляет тему своей жизни: восстановление религиозного опыта в современном человеке, «пробуждение Церкви в душе».

Период между двумя войнами стал временем духовного возрождения Германии. Тяжелые потери на фронте, крушение монархии, тяжелейший экономический кризис и последовавшее за ним нарушение привычного порядка жизни, с одной стороны, вызывали уныние и разочарование, а с другой стороны, побуждали к духовному поиску. Особое внимание немецкие мыслители тех лет обратили на работы романтиков XIX в. (Гёте, Шлегеля, Бетховена), искавших преодоления противоречия между сердцем и разумом в нерациональном измерении человеческого бытия. Чтобы вновь стать единым народом, немцам нужно было подняться над индивидуальными стремлениями, увидеть разницу между «со-обществом» и «общиной». В статье, посвященной задачам немецких католиков после войны, Макс Шелер писал:

Этос объединения верующих — в чувстве прямой взаимной ответственности одного индивида перед другим. Это чувство не обязательно основано на личном согласии. Скорее, в этом этосе содержится идея органического и невидимого переплетения всех частей мира нравственных идей в пространстве и времени, и этот мир остается как бы недостаточным до Второго пришествия Господа¹⁰.

В предисловии к «Духу литургии» И. Хервеген говорит, что утоление духовной жажды напрямую связано с возвращением в Церковь:

Наше время побеждает рационализм, отвергающий мистическое начало; больше, чем когда бы то ни было, оно охвачено желанием приблизиться к Богу. Жажда деятельности, которая охватила человечество и которая предлагает ему эрзац вместо религии, не может задушить этот духовный поиск...

10. См.: *Scheler M. Soziologische Neuorientierung und die Aufgaben der deutschen Katholiken nach dem Krieg.* Цит. по: [Krieg, 48].

Но куда идти? Индивид, который выращен Ренессансом и либерализмом, наслаждался жизнью сполна. Теперь он понимает, что для того чтобы стать личностью, нужно стать частью некоего объективного единства... Это и есть Церковь [Herwegen, 10, 13].

Хервеген отмечает, что Церковь есть Тело Христово лишь постольку, поскольку она «Церковь молящаяся», совершающая богослужение.

Преодоление мнимых противоречий между личностью и общиной, обретение единства в понимании и действии, видение объективной реальности — вопросы, поставленные в «Духе литургии». Для их разрешения Гвардини использует понятия, заимствованные из феноменологии и «философии жизни» (*Lebensphilosophie*)¹¹. Одно из них — «действительность» (*Wirklichkeit*) — означает полноту и конкретность переживания, ощущение богатства и глубины жизни. Действительность не сводится ни к каким абстрактным категориям, она присутствует здесь и сейчас. Полнота переживания достигается в общении, соотносении «с чем-то еще», с другим: «Жизнь есть реальное самораскрытие, шествие среди вещей, единство с сущностями, взаимное отдавание и приобретение» [Гвардини 1995, 13]. Совершенной действительностью, Жизнью в абсолютном смысле, является Бог. В отличие от кантианцев Гвардини считает, что человек способен познавать вещи и в некоторой степени — Бога. Для этого ему нужно подняться над чувственным опытом и войти в состояние интуитивного видения, созерцания (*Anschauung*), в котором различные части какого-либо явления представляются как единое целое. Если познаваемое целое сложно, то его элементы могут находиться в формальной оппозиции (*der Gegensatz*). Отталкиваясь друг от друга, тяготея к противоположным полюсам, они образуют напряжение, внутри которого объект «являет» себя таким, какой он есть. Пример работы «закона оппозиции» — человек,

11. Пожалуй, наибольшее влияние на Гвардини в тот момент оказали Рудольф Отто, Серен Кьеркегор и Вильгельм Дильтей. Вслед за Р. Отто Гвардини считает, что вера происходит не от идей, а от личного опыта встречи со «святым», «номинальным», в корне отличным от повседневных контактов. Настоящее познание другого возникает в результате духовного скачка, или, по Кьеркегору, «прыжка веры», — в ответ на слово Божье, которое адресовано каждому конкретному человеку здесь

и сейчас. Развивая богословие единства христианской общины, Гвардини использует понятие «мировоззрения», или «понимания целого», заимствованное у В. Дильтея. Мировоззрение верующего человека основано на Откровении Бога тварному миру в Своем Единородном Сыне Иисусе Христе. Совместное, объективное и абсолютное видение возможно только в Церкви, потому что только Церковь может передать полученное Откровение о Христе всему миру.

одновременно и индивид, и член общества, обладающий умом и сердцем, логикой и интуицией. Взаимное притяжение и отталкивание есть везде, где есть жизнь. Церковь для Гвардини — не абстрактная категория или юридический термин, а единство живого организма, и потому не однородна, а разнообразна, разумна, теоцентрична.

О литургии Гвардини говорит как о совершенном выражении религиозного опыта, правиле духовной жизни, древнейшем способе исповедания веры. Закон литургической молитвы определяется «трудным единством» нескольких ключевых оппозиций: сердце — разум; природа — культура; индивидуальное — общее; внутреннее — внешнее; игра — серьезность; логос — этос [Guardini 1962, 143]. Взаимные отталкивание и притяжение, возникающие внутри этих пар, видение и обращенность к Богу — это и есть жизнь, познаваемая в совместном действии.

1. *Сердце — разум.* Литургическая молитва поддерживается и очищается разумом. Догматические формулы и тексты стимулируют мысль, сообщают молитве силу истины. Эмоция сильная, простая и естественная, но она сдержана и находится под строгим контролем разума. Литургическую молитву совершает община, поэтому никто из ее членов не должен испытывать ложных или навязанных извне чувств. Литургия не выставляет эмоцию напоказ, а вызывает ее (глава «Литургическая молитва»).

2. *Природа — культура.* Все, что составляет формальное содержание богослужения: действия клириков и народа, чтение, пение, а также сосуды, облачение, храмовое пространство является частью той или иной культурной традиции. Истина заимствует способы выражения у культуры. Недостаток высокой культуры обедняет духовную жизнь, недостаток природы направляет ее в сторону пустых, мелочных, самодовольных рассуждений. Для участия в литургии и вообще для здоровой духовной жизни нужна образованность, умение считывать культурные смыслы (глава «Литургическая молитва»).

3. *Индивидуальное — общее.* Субъект литургии — Церковь, а не ее отдельные члены. Она молится *в* и *через* человека, возвышая и преображая его религиозный опыт. Молящийся приносит в жертву свои собственные мысли и ощущения, отказывается от своей независимости и становится частью большего, чем он сам — частью Тела Христова. При этом личность не растворяется в коллективе, сохраняет свободу и цельность. Поскольку единство литургии создают не члены общины, а Тот, к Кому направлена

молитва, т. е. Бог, христианин вправе сам выбирать степень контакта с другими молящимися (глава «Литургическая община»).

4. *Внутреннее — внешнее (материальное — духовное)*. В литургии используются символы — материальные объекты, выражающие таинственные связи земного и небесного, Церкви и Христа. Жесты, движения, предметы литургии, взятые из наследия ритуальной культуры, предлагают не меньшие возможности передачи религиозного опыта, чем слова (глава «Литургический символизм»).

5. *Игра — серьезность (цель — смысл)*. Литургия не может быть сведена к простым, понятным и немногим действиям, приводящим к достижению конкретной цели (как, например, каноны). Подобно искусству или знанию, литургия не имеет практической цели, но в ней есть смысл: она создает совершенный духовный мир, в котором душа живет в соответствии со своей природой. В литургии человек не занят собой, а обращен к Богу, находится в Его присутствии, пребывает с Ним. Суть литургии — не *творить*, а *быть* — образом Бога и отражением Его величия. Литургия — это жизнь ребенка, исполнение заповеди «быть как дети»^{*1}. Серьезность литургии в том, что она не представляет собой эстетическое явление в чистом виде. Ее красота не сотворена и растет как бы изнутри нее самой. Эстетика литургии заключается не в изяществе формы, а в добродетели и истине (главы «Литургия как игра» и «Серьезность литургии»).

*1 Мф 18:3

6. *Логос — этос*. В средние века цель земного существования находилась за его пределами, и созерцательная жизнь («логос», знание) преобладала над деятельной («этос», воля). Со временем знание «овеществилось», возник идеал независимого исследования, религия занялась освящением земного, индивидуального, деятельного бытия. Созерцательная жизнь стала непонятной и лишней, само наличие истины было поставлено под вопрос. В литургии логос преобладает над этосом, бытие над действием, молитва над борьбой. Отсюда сила освобождения, чувство покоя, пребывание в блаженном созерцании и поклонении Божественной Истине (глава «Примат логоса над этосом»).

Разнообразие внутри литургии не исчезает, потому что в ее основе находится универсальный жизненный принцип — *стиль*:

Ясный по языку, сдержанный в движении, требовательный к пространству, материалам, цветам и звукам; его идеи, язык, обряды и образы происходят из простых элементов духовной жизни [Guardini 1962, 65].

Участие в литургии тяжело именно потому, что она требует ответственности стилю. Человек, привыкший удовлетворять собственные религиозные запросы, избирает не литургию, а духовное упражнение: чтение розария, молитвы Крестного пути, благочестивые размышления и т. д. Два образа молитвы — литургия и частные духовные практики — дополняют и питают друг друга, но именно

в литургии мы молимся как члены Церкви; в ней мы поднимаемся в сферу, которая превосходит индивидуальный порядок и таким образом становится доступной людям в любых условиях, времени и месте. Для этого порядка вещей стиль литургии — живой, ясный и общедоступный — единственно возможен [Guardini 1962, 71].

Когда христиане участвуют в литургии, то погружаются на глубину бытия, обретают радость и мир, мужество и спокойствие. В противовес гетевскому Фаусту, который считал, что «в начале было дело», христианство утверждает первенство Слова, воплощенного Логоса. Дух литургии — это Сам Христос, «Слово, ставшее плотью»^{*1}, Глава Своего мистического Тела, Церкви, которая соединяется с Ним в благодарной хвале Отцу во Святом Духе.

*1 Ин 1:14

В чем была необычность и новизна книги Гвардини «Дух литургии»? В ней убедительно показано, что свобода и истина не противоречат закону молитвы, что порядок может быть благодатным. Многие увидели, что

в Церкви живет нечто, преодолевающее напряжение, существующее между структурами и делающее возможной целостность, казалось бы, невозможную по всем человеческим критериям. Это проявление господства Святого Духа, который делает ее католической [Гвардини 1995, 89].

Говоря словами Х.У. фон Бальтазара, Гвардини «исповедовал единство свободы, послушания и ответственности — не в последнюю очередь согласно модели по-новому понимаемой и организованной литургии» [Balthazar, 29].

Заслуга Гвардини состоит еще и в том, что книга возобновила начатую перед войной дискуссию о литургическом обновлении, а точнее — о пастырском, дидактическом измерении богослужения. Если богослужение представляет собой сочетание истории (которая выражена в уставе) и традиции (т. е. изначально данном правиле духовной жизни), если вообще оно может быть под-

вергнуто историко-критическому анализу, не означает ли это, что церковь вправе изменять чинопоследование таким образом, чтобы участие народа в литургии было максимально полным? Книга отвечала на этот вопрос утвердительно. Гвардини писал:

То, что мы понимаем под литургическим обновлением, означает, что священная служба, хотя и совершается священником в силу обязанностей его сана, должна быть в то же время делом всех прихожан [Гвардини 1995, 94].

В течение жизни Гвардини пытался разрешить вопрос «активного участия» всех верующих в богослужении на практике — в зале замка Бург-Ротенфельс, где он совершал богослужения для Католического союза молодежи «Источник» (*Quickborn*), и в капелле при Берлинском университете, в котором он занимал должность профессора религиоведения¹². Участники богослужений вспоминают, насколько требователен был Гвардини к осмысленности каждого действия, жеста, произнесенного слова¹³. «Дух литургии» стал одной из первых книг по литургическому богословию — науке, которая обязана своим рождением Гвардини и Мольбергу. Многие из работ, посвященных фундаментальным основам богослужения, восходят к этому тексту. Из работ XX в. наиболее близко к «Духу литургии» примыкают, пожалуй, «Форма литургии» англичанина Грегори Дикса и «Евхаристия: таинство Царства» протопр. Александра Шмемана.

12. «Для Гвардини Бург-Ротенфельс стал экспериментальной лабораторией, в которой он проверял, насколько верны его взгляды на общество, богослужение и образование. Он настаивал на том, чтобы жизнь в замке, согласно монашескому уставу, включала ежедневную мессу и общую трапезу. В часовне он ввел использование немецкого миссала и совершал мессу лицом к народу. Кроме религиозной деятельности, он поощрял народные танцы, туризм и спорт, и в то же время — публичные чтения поэзии и литературы, концерты и театральные постановки» [Krieg, 60]. Некоторые части мессы Гвардини перевел на немецкий. Во время мессы молодежь пела немецкие гимны, а вне мессы спокойно читала розарий. В 1920 г. был напечатан составленный Гвардини чин «народной» мессы (*“Messandacht”*). С помощью архитектора Р. Шварца Гвардини перестроил часовню, в которой совершались богослужения. В результате большое помещение часовни становилось под-

важным пространством, в котором предстоятель мог передвигать престол, амвон и стулья для того, чтобы приспособить его для подходящего стиля литургии (подробнее об этом см.: [Krieg, 60; Сухарев]).

13. «Студенческая часовня была большим подвальным помещением, приспособленным для совершения воскресных богослужений. Позади свободно стоящего престола находилось мегаллическое распятие, а вокруг него стояли квадратные деревянные сиденья. Стул предстоятеля завершал круг. Большинство из нас стояли, потому что “Священные символы” (книга Гвардини *“Von heiligen Zeichen”*. — А. С.) научили нас значимости этого положения тела... Мы также понимали, что значит “предстоять” перед престолом. Мы были абсолютно спокойны и в полной тишине и собранности мы свидетельствовали о космическом событии мирового значения, в котором каждый из нас играл свою роль» [Kuehn, 88].

В завершение попробуем ответить на вопрос: для чего современному человеку, да еще не католику, изучать книгу Гвардини, написанную более века назад?

Уже в начале XX в. Гвардини увидел, как нарастает отчуждение человека от Бога, как неукротим технический прогресс, с какой энергией отстаивается приоритет научной картины мира над «мифологической» жизнью души. Он отмечал, как умножаются одиночество и растерянность, видел проявления ложного, разрушительного коллективизма. Таким же беспощадным, пессимистическим тоном, каким Гвардини описывает европейца начала XX в., говорят о мире и человеке современные философы. Взаимное недоверие и агрессия, инфантильность мышления, культ силы и денег, обожествление ложно понятой «научности», расцвет больших сообществ и вместе с тем личное одиночество и уныние, погружение в виртуальное или наркотическое забытие — все это давно не призраки, а происходящее внутри и вокруг нас, действительность со знаком минус. Человек меняется — но не к лучшему¹⁴.

Но маятник движется и в другую сторону. Усталость от механизации жизни, отвращение ко всякого рода лжи, фальшивому пафосу, воинствующей глупости, тоска по общению, запрос на справедливость и через него на правду и истину как таковую — все это приближает «пробуждение Церкви в душе», воскрешение интереса к жизни духа. Все, что угнетает и унижает человека, подавляет его свободу и разрушает в нем образ невидимого Бога, в какой-то момент высвобождает в нем силу оттолкнуться от «дна» и вновь обратиться к своему Создателю.

В «Духе литургии» нет четко прописанных рецептов «выхода из кризиса», они «спрятаны» в тексте и не всегда очевидны. Некоторые практические рекомендации были впоследствии доработаны и использованы в чине «народной мессы» (1920) [*Gemeinschaftliche Andacht*] и статье «Литургическое образование» (1923) [*Guardini 1992*]. Что предлагал Гвардини? Во-первых, изучение литургии — и как чинопоследования, и как закона христианской

14. «Два явления — “негуманный” человек и “неестественная” природа — составляют фундаментальное отношение, на котором будет построено грядущее человеческое бытие» [*Guardini 1950, 81*]. «Мы близимся к появлению виртуалистского мировосприятия и человека, ориентированного на виртуальность — ориентированного

на всех уровнях своей организации, начиная с телесного... Расширятся опыт и способности человека — но расширятся они за счет погружения в умаленную и участненную, недоовлотворившуюся и недооформившуюся реальность, в сферу минимальной, пороговой событийности и энергетики» [*Хоружий, 349*].

веры, в котором есть место вечному и временному, чувству и разуму, авторитету и свободе, индивидуальному и общему, деланию и созерцанию, игре и серьезности. Мессу совершает не отдельный человек, напоминает Гвардини, а вся Церковь. Поскольку литургия диалогична, Гвардини выделяет литанию (предстоятель — все остальные) и драму (священник, хор, предстоятель от народа, народ) как наиболее подходящие формы выражения ее природы. Задача христианской культуры — найти совершенный язык для свидетельства о вечной истине¹⁵. Самое трудное в литургическом образовании — воспитать *способность к литургии (Liturgiefähigkeit)*, которая достигается не столько теоретическим знанием, но практикой, совместным деланием, созиданием «литургического акта».

В 1964 г., когда в католической церкви наступил религиозный ренессанс и почти все были полны оптимизма, Гвардини написал обращение к литургическому конгрессу в Майнце. Семидесятидвулетний богослов, который приблизился к пределу земной жизни, поставил крайне неудобный вопрос о том, способен ли современный человек на литургический акт [Guardini 1964]. В то время сомнения Гвардини вызывали недоумение, а сейчас звучат как никогда современно. Но отвечать на поставленные вопросы необходимо каждый раз, когда мы совершаем соборную молитву. Именно там, где, как того желал Гвардини, Церковь говорит на понятном, ясном, возвышенном языке живого религиозного чувства, а человек, отвергая свои мнения и представления, становится частью коллективного действия и видения, они являются собой то, что они есть и чем всегда были: Церковь — Телом Христовым, а человек — членом этого Тела, образом невидимого Бога, получившим в свое сердце «залог Духа»^{*1}. Этим Духом истины исполнена литургия, в которой мы обретаем себя и которой живем, движемся и существуем^{*2}.

*1 2 Кор 1:22

*2 См.: Деян 17:28

15. Проблема перевода «вечного» во «временное» связана с понятием «культуры», которое у Гвардини занимает подчиненное положение по отношению к понятию «природа». Там, где утрачена способность переживать бытие непосредственно и конкретно, где для этого требуются формулы, символы и концепты — возникает

«второй мир» культуры, абстрактный и ненастоящий. Человек и создает этот мир, и живет в нем; получив прививку «культуры», религиозный опыт слабеет. «Вся культура возникает за счет принесения в жертву живой реальности» (Guardini R. *Die Technik und der Mensch: Briefe vom Comersee*. 2 ed. 1990. Цит. по: [Balthazar, 10]).

Источники и литература

1. *Гвардини 1995* = Гвардини Р. О смысле Церкви // Он же. О Церкви. М. : Христианская Россия, 1995. С. 5–83.
2. *Конституция* = Конституция о священной Литургии “Sacrosanctum Concilium” // Документы II Ватиканского Собора. 3-е изд. М. : Паолине, 2004. С. 17–60.
3. *Сухарев* = Сухарев Александр, свящ. О начале литургического движения в Германии // Церковь и время: Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 2017. Т. 81. С. 150–192.
4. *Хоружий* = Хоружий С. С. Род или недород? // Он же. О старом и новом. СПб. : Алетейя, 2000. С. 311–472.
5. *Balthazar* = Balthazar H. U. von. Romano Guardini : Reform from the Source. San Francisco : A Communion Book : Ignatius Press, 2010. 122 p.
6. *Ebner* = Ebner A. Über die gegenwärtigen Aufgaben und Ziele der liturgisch-historischen Forschung // Compte rendu du quatrième congrès scientifique international des Catholiques. Première section. Fribourg : Sciences religieuses, 1898. S. 32–41.
7. *Gemeinschaftliche Andacht* = Gemeinschaftliche Andacht zur Feier der Heiligen Messe von Dr. R. Guardini. Düsseldorf : L. Schumann Druckerei und Verlag, 1920. 40 S.
8. *Guardini 1950* = Guardini R. Das Ende der Neuzeit. Ein Versuch zur Orientierung. Würzburg : Werkbund Verlag, 1950. 133 S.
9. *Guardini 1923* = Guardini R. Über die systematische Methode in der Liturgiewissenschaft // Idem. Auf dem Wege. Versuche : Mainz Grünewald, 1923. S. 95–110.
10. *Guardini 1962* = Guardini R. Vom Geist der Liturgie. Freiburg; Basel; Wien : Herder Bücherei, 1962. 143 S.
11. *Guardini 1964* = Guardini R. On the Essence of the Liturgical Act, 1964. URL:<http://www.ccwatershed.org/blog/2013/sep/5/1964-letter-romano-guardini> (дата обращения: 05.02.2019).
12. *Guardini 1992* = Guardini R. Ein Wort zur liturgischen Frage // Idem. Liturgie und liturgische Bildung. 2. Aufl., unveränd. Nachdruck der 1. Aufl. Paderborn : Mainz; Schöningh : Matthias-Grünwald, 1992. S. 171–189. (Romano Guardini Werke / Hrsg. von F. Henrich. Sachbereich Liturgische Bildung).
13. *Herwegen* = Herwegen I. Zur Einführung // Guardini R. Vom Geist der Liturgie. Freiburg im Breisgau : Herder Bücherei, 1962. S. 7–14.
14. *Kleinschmidt* = Kleinschmidt B. Die Aufgaben der liturgischen Forschung in Deutschland // ThRv. 1917. N. 16. S. 433–439.

15. *Krieg* = Krieg R. A. Romano Guardini. A Precursor of Vatican II. Notre Dame, Indiana : University of Notre Dame Press, 2009. 270 p.
16. *Kuehn* = Kuehn R. Romano Guardini in Berlin // Krieg R. A. Romano Guardini : Proclaiming the sacred in the modern world. Chicago : Liturgy Training Pubns, 1995. P. 87–98.
17. *Marschler* = Marschler Th. Ein unersetzbarer Klassiker der Liturgiegeschichte [Rez. zu : Franz A. Die Messe im deutschen Mittelalter (ND Bonn 2003)] // Die Tagespost. 2003. N. 61. S. 18.
18. *Pius X* = Pius X. Motu Proprio “Tra le sollecitudini” [электронный ресурс]. URL:https://w2.vatican.va/content/pius-x/it/motu_proprio/documents/hf_p-x_motu-proprio_19031122_sollecitudini.html (дата обращения: 26.01.2019).
19. *Vom Geist der Liturgie* = Vom Geist der Liturgie. 100 Jahre Romano Guardinis “Kultbuch” der Liturgischen Bewegung / Hrsg. von S. Langenbahn. Köln : Erzbischöfliche Diözesan- und Dombibliothek. 2017. 314 S. : Ill. (Libelli Rhenani; Bd 68).

Priest Alexander Sukharev

“Vom Geist der Liturgie” of Romano Guardini — the most significant book of the liturgical movement in Germany

The article is a brief summary of “Vom Geist der Liturgie” — the most significant book of the liturgical movement in Germany written by a priest, theologian and philosopher Romano Guardini. The article presents a history of the text, its key ideas, composition and style. While writing a book, which at first was addressed to the educated priests and laity from the circle of Maria Laach’ abbot Ildefons Herwegen, the author sought to describe liturgy not as a set of regulations but rather as of an objective form of prayer coming from the source of Christian tradition, thus encouraging the readers to the conscious participation in the liturgical prayer. In the concluding part it is argued that the questions raised in Guardini’s book are still important: anthropological crisis, awakening of spiritual experience, liturgical education, capability of a modern man to perform a liturgical act.

KEYWORDS: liturgical movement, Romano Guardini, “Vom Geist der Liturgie”, Maria Laach, “Liturgiewissenschaft”, the category of opposition, liturgical act.

References

1. Balthazar H. U. von. (2010). *Romano Guardini : Reform from the Source*. San Francisco : A Communio Book : Ignatius Press.
2. Ebner A. (1898). “Über die gegenwärtigen Aufgaben und Ziele der liturgisch-historischen Forschung”, in *Compte rendu du quatrième congrès scientifique international des Catholiques*, Première section, Fribourg : Sciences religieuses, S. 32–41.
3. *Gemeinschaftliche Andacht zur Feier der Heiligen Messe von Dr. R. Guardini*. Düsseldorf : L. Schumann Druckerei und Verlag, 1920.
4. Guardini R. (1923). “Über die systematische Methode in der Liturgiewissenschaft”, in Idem. *Auf dem Wege*, Versuche : Mainz Grünewald.
5. Guardini R. (1950). *Das Ende der Neuzeit. Ein Versuch zur Orientierung*. Würzburg : Werkbund Verlag.
6. Guardini R. (1962). *Vom Geist der Liturgie*. Freiburg; Basel; Wien : Herder Bücherei.
7. Guardini R. (1964). *On the Essence of the Liturgical Act*, available at: <http://www.ccwatershed.org/blog/2013/sep/5/1964-letter-romano-guardini> (05.02.2019).
8. Guardini R. (1992). “Ein Wort zur liturgischen Frage”, in *Liturgie und liturgische Bildung*, 2. Aufl., unveränd. Nachdruck der 1. Aufl. Paderborn : Mainz; Schöningh : Matthias-Grunewald, 1992, S. 171–189.
9. Guardini R. (1995). “Vom Sinn der Kirche”, in Idem. *O Tserkvi* [About the Church]. Moscow : Christian Russia (Russian translation).
10. Herwegen I. (1962). “Zur Einführung”, in Guardini R. *Vom Geist der Liturgie*. Freiburg im Breisgau : Herder Bücherei.
11. Khoruzhii S. S. (2000). “Rod ili nedorod?” [“Type — or Under-Type?”], in Idem. *O starom i novom* [About the Old and the New], St. Petersburg : Aleteiya Publ. (in Russian).
12. Kleinschmidt B. (1917). “Die Aufgaben der liturgischen Forschung in Deutschland”. *ThRv*, 1917, n. 16, S. 433–439.
13. Krieg R. A. (2009). *Romano Guardini. A Precursor of Vatican II*. Notre Dame, Indiana : University of Notre Dame Press.
14. Kuehn R. (1995). “Romano Guardini in Berlin”, in R. A. Krieg. *Romano Guardini: Proclaiming the sacred in the modern world*, Chicago : Liturgy Training Pubns, pp. 87–98.
15. Langenbahn S. (Hrsg.) (2017). *Vom Geist der Liturgie. 100 Jahre Romano Guardinis “Kultbuch” der Liturgischen Bewegung*. Köln : Erzbischöfliche Diözesan- und Dombibliothek. (Rhenani; Bd. 68).

16. Marschler Th. (2003). “Ein unersetzbarer Klassiker der Liturgiegeschichte [Rez. zu : A. Franz, Die Messe im deutschen Mittelalter (ND Bonn 2003)]”. *Die Tagespost*, 2003, n. 61, S. 18.
17. Pius X. *Motu Proprio “Tra le sollecitudini”*, available at: https://w2.vatican.va/content/pius-x/it/motu_proprio/documents/hf_p-x_motu-proprio_19031122_sollecitudini.html (26.01.2019).
18. Konstitutsiia o sviashchennoi Liturgii “Sacrosanctum Concilium” [“Holy Liturgy Constitution ‘Sacrosanctum Concilium’”], in *Dokumenty II Vatikanskogo Sobora [Documents of the Second Vatican Council]*, 3 ed., Moscow : Paoline, 2004, pp. 17–60 (Russian translation).
19. Sukharev Alexander, priest (2017). “O nachale liturgicheskogo dvizheniia v Germanii” [“On the beginning of the liturgical movement in Germany”]. *Tserkov’ i vremia. Nauchno-bogoslovskii i tserkovno-obshchestvennyi zhurnal [Church and time. Scientific and Theological and Church Public Journal]*, 2017, v. 81, pp. 150–192.